

Севские воеводы в XVII веке.

Со второй половины XVI в. в Московском государстве для управления отдельными городами и примыкающими к ним уездами начали назначаться воеводы, именовавшиеся городовыми, в отличие от полковых воевод, которые руководили войсками в период военных конфликтов. В небольшие города обычно назначался один воевода, в крупные – два (в редких случаях или при каких-то чрезвычайных обстоятельствах – даже больше).

Главными функциями городских воевод были административное управление городом и уездом, судопроизводство, поддержание в порядке и строительство городских оборонительных сооружений и др. строений, командование приписанными к городу служилыми людьми в случае военной опасности, учет и распределение уездной земли, пресечение противоправных проявлений и т.д.

Главными помощниками городских воевод в организации делопроизводства, ведении переписки, сборе различных платежей и др. подобных делах были дьяки (подьячие), назначаемые, как правило, вместе с воеводами. Их назначениями и деятельностью ведал Разрядный приказ, поэтому основные сведения о воеводах можно почерпнуть в разрядных книгах, хотя абсолютной полнотой сведений они не отличаются, а в отдельных случаях в разрядных записях встречаются и противоречия.

Город Севск, восстановленный в последней трети XVI в. при Иване IV, первоначально был небольшой крепостью («острожкой»), и поэтому никаких сведений о назначении сюда воевод в сохранившихся разрядных документах конца XVI - начала XVII вв. не содержится. По всей видимости, таких назначений и не производилось. Все окрестные селения в XVI - первой трети XVII вв. относились не к Севску, а входили в состав Брянского уезда (за исключением старинного с.Негино, бывшего владением князей Трубецких, а затем вошедшего в состав Трубчевского уезда). В последней четверти XVI в. большинство селений южной части Брянского уезда было включено в состав Комарицкой волости, подчиненной приказу Большого Дворца. Жившие здесь крестьяне обязаны были платить натуральный налог зерном, которое использовалось для служилых людей ближних городов, а также исполнять другие повинности, в том числе – оборонного характера. Формально комаричане подчинялись брянским воеводам, но реальное управление волостью осуществляли присылаемые из Москвы дворцовые приказчики (головы).

Например, из разрядных записей 1603 г. известно, что «в Брянском уезде в Комаритцкой волости голова Иван Нарматцкой», который ранее служил дьяком в одном из московских приказов. Однако пребывание И.Нармацкого в Комарицкой волости оказалось недол-

гим. Страшный голод, поразивший Российское государство в 1601-1603 гг., сказался и на ранее богатой хлебом волости. И.Нармацкому, как дворцовому приказчику, пришлось, несмотря на неурожай, собирать с комаричан денежные и натуральные налоги, а сверх этого направить в 1604 г. «даточных людей» для участия в обороне г.Новгород-Северского от войск Лжедмитрия I. В документах Разрядного приказа, относящихся к 1602-1603 гг., есть упоминание еще об одном назначении в Комарицкую и соседнюю Самовскую (Сомовскую) волость Карачевского уезда – сюда были посланы дворяне И.З.Воейков и У.А.Матов, вероятнее всего, в связи с усилением здесь социальной напряженности. К сожалению, в документах не сохранилось более подробных сведений об этом факте, и можно лишь предполагать, какие конкретные задачи были поставлены перед дворянами, какими силами они располагали и как закончилась их миссия. Ясно одно: ни И.Нармацкому, ни И.З.Воейкову и У.А.Матову не удалось удержать жителей волости от антиправительственных выступлений, и вскоре основная часть комаричан поддержала «царя Дмитрия». 25 ноября 1604 г. в его лагерь под Новгородом-Северским «из Комарицкой волости люди приехали с объявлением о подданстве и двух воевод привели», а 1 декабря того же года «привели еще двух воевод из Комарицкой волости». Несомненно, что в это время в Комарицкой волости и Севске, вместе взятых, не было четырех воевод, а под таким именем к Лжедмитрию I привели, вероятно, И.Нармацкого, И.З.Воейкова, У.А.Матова и кого-то еще из приказных служителей.

В числе этих воевод мог оказаться и посланный осенью 1604 г. «в Комарицкую волость... воевода Алексей Романович Плещеев». Однако другие разрядные записи сообщают, что А.Р.Плещеев был послан в Карачев. Впрочем, такое противоречие не является принципиальным: относившаяся к Карачевскому уезду Самовская (Сомовская) волость, как и граничившая с ней Комарицкая, была дворцовой волостью, и, по аналогии с И.З.Воейковым и У.А.Матовым, воевода мог быть послан в две соседние волости, относящиеся к одному ведомству. Важнее другое – А.Р.Плещеев был послан сюда не для управления, а для устрашения и возможных карательных мер, и поэтому с ним посылались не подьячие, а голова Меркур Безобразов, да «жильцы, да конюхи, да псари». К этому времени большинство боеспособных дворян и других служилых людей из Москвы и ее окрестностей уже было отправлено под командованием боярина Ф.И.Мстиславского к Новгород-Северскому против войск Лжедмитрия I, почему в отряде А.Р.Плещеева оказались далеко не лучшие представители московского войнства. Успел ли добраться до Комарицкой волости Плещеев со своим отрядом, неизвестно, но вскоре он, а также другой воевода, Михаил Борисович Шеин, посланный с отрядом «на Северу» (т.е. в Северскую область, но без уточнения места), получили другое распоряжение: «Михаилу Шеину и Алексею Плещееву велено быть в полках з бояры с воеводы в ряду», т.е. присоединиться к армии Ф.И.Мстиславского.

Дальнейшие судьбы этих воевод оказались разными. После смерти Бориса Годунова А.Р.Плещеев присягнул «царю Дмитрию» и получил от него чин окольного, сохранив его и при царе Василии Шуйском. В 1607 г. он скончался. М.Б.Шейн, отличившийся в битве при Добрыничах против войск Лжедмитрия I, был послан в Москву с известием («сеунчем») о победе и получил от Б.Годунова чин окольного; при В.Шуйском стал боярином, в 1609-1611 гг. возглавлял героическую оборону Смоленска от поляков, а затем до 1619 г. находился в польском плену. Во время Смоленской войны 1632-1634 гг. был первым воеводой главной русской армии, осаждавшей Смоленск, а затем блокированной превосходящими силами войск Речи Посполитой. Не получив военной помощи, М.Б.Шейн был вынужден на тяжелых условиях договориться о пропуске русской армии из-под Смоленска к Москве, где знаменитого воеводу необоснованно обвинили в измене и казнили.

О судьбе упомянутого И.Нармацкого сведений не сохранилось. Среди Нармацких второй пол. XVII в. были воронежский воевода, стрелецкие полковники, стряпчий и т.д.

Поскольку Комарицкая волость в 1605 г. была разорена войсками Б.Годунова, а в 1614-1615 гг. — отрядами польского авантюриста полковника А.Лисовского, ногайскими и крымскими татарами, то царских воевод в годы «смуты» здесь не было. Лишь в 1619 г. «в Комарицкой волости, в Севском остроге» появился посланный из Москвы воевода Иван Васильевич Колтовский. В одном из списков разрядных книг, а также в краеведческих работах называется другая фамилия воеводы — «Иван Васильев сын Козлов», но речь идет об одном и том же человеке, фамилия которого — Колтовский, а Козлов — фамильное прозвище.

Колтовские в XVI-XVII вв. были известной дворянской фамилией. Достаточно вспомнить, что Анна Колтовская в 1572-1575 гг. была женой царя Ивана IV Грозного. Некоторые из Колтовских бывали воеводами и в городах Брянщины. Так, в 1616 г. карачевским воеводой был Григорий Федорович Колтовский, погибший в бою против польско-литовских войск. В 1623 г. вторым воеводой в Брянске был Иван Степанович Колтовский...

И.В.Колтовский, прибывший на воеводство вместе с подьячим Терентием Евфимьевым, не обнаружил в Севске ни острога, ни служилых людей. Разоренными оказались и многие окрестные селения Комарицкой волости. Тем не менее, воевода начал силами комаричан восстанавливать Севский острог, но до конца завершить дело не успел, т.к. в 1620 г. был вместе с подьячим отозван в Москву.

Новым воеводой «в Комарицкой волости велено быти Ивану Владимирову сыну Благово», а подьячим — Панкрату Бабанину. Дворянская фамилия Благово также относилась к числу старинных, хотя ее представители в XVI-XVII вв. выше стольников и воевод в небольшие города не поднимались. Сам И.В.Благово позже был вторым воеводой в Крапивне. Севским же воеводой он пробыл около года.

В 1621 г. его сменил Борис Иванович Кокорев (подьячим при новом воеводе по-прежнему оставался П.Бабанин). Дворяне Кокоревы были в отдаленном родстве с такими известными фамилиями, как Колычевы, Шереметевы, Неплюевы и т.д., а также с царствующей фамилией Романовых (их общим предком был боярин великого московского князя Семена Ивановича Гордого Андрей Иванович Кобыла); но в XVI-XVII вв. они высокого положения не занимали. Б.И.Кокорев остался севским воеводой до весны 1623 года.

Затем на его место был прислан новый воевода – Григорий Иванович Горихвостов (вместе с подьячим Михаилом Бороздинцевым). Фамилия дворян Горихвостовых не была знатной и богатой, но определенный след в истории России XVII в. они оставили. Старший брат Г.И.Горихвостова, Степан Иванович, бывший воеводой в Тихвине, в годы «смуты» оказал помощь князю М.В.Скопину-Шуйскому в борьбе против Лжедмитрия II. Сам Григорий Иванович в 1630-е гг. ездил с дипломатическими поручениями в Швецию, а его младший брат, Дмитрий Иванович – в 1654 г. в Грузию. Сын Г.И.Горихвостова, Степан Григорьевич, отличился во время войн с Турцией и Крымским ханством.

В конце 1623 г. «в Севске велено быть Федору Ратманову сыну Дурову да подьячему Семену Матюшкину». В начале XVII в. Дуровы были лишь детьми боярскими, приписанными к Новгороду-Северскому, но во время осады города Лжедмитрием I назначенный стрелецким головой Ратман Дуров отличился и был отмечен особым государевым жалованьем. Сын этого Р.Дурова и стал новым севским воеводой. В 1625 г. С.Р.Дуров, будучи в Севске, умер, а С.Матюшкина отозвали в Москву.

Вместо них «в Севске велено быть Прокофию Семенову сыну Воейкову да подьячему Миките Власьеву». До своего назначения в Севск П.С.Воейков был вторым воеводой в Воронеже (позднее, в 1634 г., он еще раз будет воеводствовать в этом городе). В XIV-XV вв. Воейковы были среди бояр великих князей московских, но позже не поднимались выше думных дворян. Имели они отношение и к истории Брянщины XVII в. (например, Петр Иванович Воейков в 1614 г. был вторым воеводой в Брянске).

С весны 1627 г. новым севским воеводой стал Иван Юрьевич Плещеев, остававшийся в этой должности до 1629 г. В сентябре этого года его сменил стольник Степан Федорович Стрешнев, один из младших представителей весьма известной в России XVII в. фамилии. Высокое положение к Стрешневым пришло после женитьбы в 1626 г. царя Михаила Федоровича Романова на Anne Лукьяновне Стрешневой. Вскоре после этого отец царицы, ее дядя Федор Степанович и еще несколько Стрешневых были возведены в бояре и окольничие. Севский воевода С.Ф.Стрешнев был сыном упомянутого боярина Ф.С.Стрешнева, т.е. приходился царице двоюродным братом, но имел более скромное положение, чем его старший брат, Иван Федорович, ставший боярином. Севское воеводство С.Ф.Стрешнева продолжалось

около двух лет. Подьячими при нем были Григорий Ферапонтов и Иван Федоров.

Осенью 1631 г. воеводой в Севск был прислан Михаил Федорович Еропкин, чья фамилия вела свое начало от одного из смоленских князей, оставшихся без удела и выехавших на службу к великому московскому князю Василию II Темному. Таким образом, дворяне Еропкины были Рюриковичами, но утратившими свое княжеское достоинство. Более высокое положение, чем М.Ф.Еропкин, позже, при царе Алексее Михайловиче, имел его сын Василий Михайлович, бывший сначала стольником, а затем – окольничим.

Период севского воеводства М.Ф.Еропкина совпал с началом Смоленской войны (1632-1634 гг.). В это время Севск стал местом формирования отрядов ратных людей для боевых действий против польско-литовских войск на южном фланге. «На Северу» были посланы воеводы Федор Кириллович Плещеев и Баим (Борис) Федорович Болтин, которые «сбирались с людьми в Севску». Но в ноябре 1632 г. Плещеев, находясь в Севске, умер; на его место был прислан Иван Федорович Еропкин, брат севского городского воеводы, бывший ранее воеводой в г.Осколе.

В конце ноября того же года отряд Б.Ф.Болтина из Севска направился к Новгород-Северскому и приступом взял город, куда Болтина и назначили городовым воеводой. Позже он был воеводой в Тобольске, а в 1647 г. ездил послом в Данию.

Что касается отряда И.Ф.Еропкина, то он 8 января 1633 г. подошел к Стародубу, куда несколькими днями раньше прибыли ратные люди второго брянского воеводы, В.Н.Аладына. Вскоре сюда подошли и некоторые другие отряды, и в середине января 1633 г. «польские и литовские люди..., видя над собой... промысел и утеснение... город Стародуб сдали». В освобожденный город воеводой был назначен И.Ф.Еропкин. Позже Иван Федорович бывал воеводой и в других городах, стал думным дворянином.

Его брат, М.Ф.Еропкин, оставался севским воеводой до начала 1633 г., когда его сменил Федор Тимофеевич Пушкин, являвшийся не просто однофамильцем великого русского поэта А.С.Пушкина (1799-1837), но и его весьма близким родственником, хотя и отделенным от него двумя столетиями. Если идти от А.С.Пушкина к его предкам, то прослеживается следующая цепочка: статский советник Сергей Львович (1770-1848) – подполковник Лев Александрович (1723-1790) – сержант Преображенского полка Александр Петрович (начало 1690-х - 1725) – стольник и судья Владимирского судного приказа Петр Петрович (умер в 1692 г.) – стольник Петр Петрович (умер в 1661 г.) – Петр Тимофеевич (умер ок. 1634 г.) – Тимофей Семенович. Иначе говоря, великий поэт был потомком Т.С.Пушкина в седьмом поколении. Тимофей Семенович в 1601-1618 гг. был воеводой в разных городах. Пошли по отцовской линии и его сыновья: Петр, Воин и Федор. В конце 1620-х – начале 1630-х гг. все они были воеводами в дальних северных

городах: Петр в 1625-1628 гг. – в Тюмени, Воин в 1629-1631 гг. – в Березове, Федор в 1630 г. – в Каргополе. Позже (1635-1636 гг.) Воин Тимофеевич был воеводой в Брянске, где и скончался; а Федор Тимофеевич, как уже было отмечено, в 1633 г. был послан воеводой в Севск.

Время севского воеводства Ф.Т.Пушкина было очень непростым. Смоленская война затягивалась, росла социальная напряженность (в Комарицкой волости появлялись отряды казацко-крестьянской вольницы – так называемые «балашовцы»), значительная часть севских служилых людей находилась в районах боевых действий, чем и попыталось воспользоваться польско-литовское командование. 1 марта 1634 г. руководимое князем Иеремией Вишневецким и гетманом Лукой Жолкевским польско-литовское войско и запорожцы – общей численностью около 10 тыс. чел. – неожиданно («безвестно изгоном») подошли к Севску и в тот же день попытались приступом овладеть городом. Хотя в Севске было «ратных людей мало», а окрестные комаричане не успели принять участие в «осадном сидении», приступ был отбит.

Осаждающие «городу Севску учинили тесноту великую», а затем предложили севчанам капитулировать, но воевода Ф.Т.Пушкин ответил категорическим отказом и «для укрепления осадного сидения... всяких осадных людей ко кресту привел на том, что... города не сдать». В ночь на 7 марта польско-литовские войска «к Севску приступали жестоким приступом со всех сторон», но и на этот раз севчане отбили штурм, нанеся противнику заметный урон. Получив известие о нападении крымских татар на территорию Речи Посполитой и «видя... севских людей крепкостоятельство», Вишневецкий и Жолкевский прекратили длившуюся около месяца осаду города.

С осени 1634 г. Ф.Т.Пушкина в должности севского воеводы сменил стольник Иван Иванович Стрешнев, о фамилии которого речь уже шла. Пробыл он здесь до начала 1636 г., а затем на его место был прислан Яков Михайлович Толочанов. Представители этой дворянской фамилии, известной со второй пол. XVI в., были в XVII столетии крупнейшими землевладельцами в Брянском уезде. Служили они и при московском дворе, где были стряпчими (в частности, в 1616 г. им был брат Я.М.Толочанова, Федор Михайлович), стольниками и иногда даже окольными. Посылали их и на воеводство.

Весной 1637 г. Я.М.Толочанова сменил Никита Федорович Булгаков, отец которого, Федор Юрьевич, был в начале XVII в. воеводой в сибирских городах Мангазее и Туруханске. Сам Н.Ф.Булгаков служил в Путивле, затем, по личному челобитью, был в декабре 1634 г. направлен в Севск на должность осадного головы – вместо Алексея Руднева. Взятые у последнего «списки пушкарей и затинщиков и всяких севских осадных людей», включая и тех, которые «переведены в Севеск из Новагородка, и из Стародуба, и из Трубчевска», были воеводой И.И.Стрешневым отданы Н.Ф.Булгакову. Его служба продолжалась и при новом воеводе, Я.М.Толочанове, а когда того отозвали в

Москву, исполнение обязанностей воеводы поручили Н.Ф.Булгакову, но в официальные разрядные списки воевод он внесен не был. Даже в марте 1638 г., спустя год реального воеводства, в московских документах Н.Ф.Булгакова по-прежнему называли осадным головою.

В мае 1638 г. новым севским воеводой был назначен Петр Матвеевич Безобразов, представитель дворянской фамилии, известной на Брянщине со второй пол. XVI в. В 1615-1616 гг. он был вторым воеводой в Стародубе и участвовал в боях с польско-литовскими войсками; в 1621-1622 гг., назначенный воеводой в Карачев, восстанавливал запустевший и упраздненный в 1618 г. – по решению Боярской Думы – город. Севское воеводство Безобразова продолжалось до весны 1639 г.

Заменил его в качестве воеводы в Севске Иван Афанасьевич Загряжский (ранее, в 1624-1625 гг., он был вторым воеводой в Брянске). Дворянская фамилия Загряжских известна в Московском государстве со времен Дмитрия Донского. В XVII в. многие Загряжские бывали стряпчими, стольниками, назначались воеводами; но особо высокого положения не занимали. Севское воеводство И.А.Загряжского продолжалось около двух лет.

В апреле 1641 г. севским воеводой был назначен князь Григорий Андреевич Волконский. Князья Волконские относились к числу потомков великого черниговского князя Михаила Всеволодовича, убитого в 1246 г. в Золотой Орде и причисленного православной церковью к лику святых. Сам Григорий Андреевич до назначения в Севск уже не раз, начиная с 1615 г., бывал полковым и городовым воеводой (в частности, в Веневе, Пронске, Кашире), но особых чинов не выслужил, в отличие от младших братьев, Дмитрия и Владимира, ставших в 1642 г. стольниками. Трагической оказалась судьба сына князя Г.А.Волконского – Игнатия Григорьевича. В 1660-х гг. он участвовал в военных действиях на Украине, в 1667 г. назначен воеводой в Стародуб, а в феврале следующего года был убит мятежными казаками.

После князя Г.А.Волконского воеводой в Севске стал в 1643 г. стольник Никифор Никитич Нащокин – из старинной дворянской фамилии, отдельные представители которой еще в XVI в. бывали и воеводами, и дипломатами, но в XVII в. выше думных дворян не поднимались. Нащокин оставался севским воеводой до осени 1645 г., когда его сменил Патрикей Степанович Исупов из брянской дворянской фамилии, известной со второй пол. XVI в. Время воеводства Н.Н.Нащокина и П.С.Исупова совпало с активизацией набегов крымских татар, затронувших и Комарицкую волость (особенно в конце августа 1644 г. и в конце декабря 1645 г.). Пассивность Исупова, не выполнившего приказ идти «в сход» с другими воеводами для преследования татар, привела к тому, что его даже ненадолго отправили в тюрьму. Но опала была краткой, и в 1651-1654 гг. П.С.Исупов вновь оказался воеводой – теперь в Трубчевске, где еще раньше, в 1647-1648 гг., успел повоеводствовать и Н.Н.Нащокин. Что касается Исупова, то в конце жизни он принял монашеский постриг в Свинском монастыре, где и был похоронен в 1663 г.

Участившиеся татарские набеги подтолкнули царское правительство к необычному решению — перевести крестьян Комарицкой волости на военное положение. Прибывший в Севск осенью 1646 г. новый воевода — стольник Замятня (Василий) Федорович Леонтьев, собрав комаричан, объявил им царский указ о переводе в драгуны «для того, что приходят на государевы украины крымские и ногайские люди и православных христиан побивают и в полон емлют». В драгуны зачисляли по одному человеку от каждого двора (всего — 5125 чел.), но теперь с них не должны были брать денежный и хлебный оброки «и иных никаких податей имати с них не велено». За ними сохранялись пахотные земли и др. угодья.

Новое положение комаричан скоро проявилось своими негативными сторонами. С них не была снята обязанность содержать севский ям, их по-прежнему широко привлекали к строительству оборонительных сооружений на территории Комарицкой волости, где к весне 1647 г., по приказанию З.Ф.Леонтьева, было построено 8 острожков и 3 укрепленных городка. Но особое недовольство у комарицких драгун вызывала муштра, к которой прибегали наемные немецкие офицеры, что привело к волнениям среди драгун; однако, до жестоких карательных мер дело не дошло.

В Москве в целом были довольны деятельностью Леонтьева (позже он был назначен думным дворянином), и поэтому срок его воеводства в Севске и одновременного управления Комарицкой волостью оказался одним из наиболее длительных — с 1646 до 1650 г. Однако возросший объем деятельности и значительное повышение к середине XVII в. военно-политической и экономической роли Севска и Комарицкой волости на юго-западных рубежах России побудили московское правительство направлять сюда уже не одного, а двух воевод. В помощь Леонтьеву вторым воеводой был послан сначала Иван Семенович Кобыльский, а в 1649 г. — Наум Юрьевич Кириллин.

Начавшаяся в 1648 г. освободительная война украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого против польского владычества привела к росту напряженности в приграничных районах России, в том числе и на территории Севского уезда. Это, естественно, отражалось на действиях севских воевод.

В 1651-1652 гг. ими были стольник князь Тимофей Иванович Щербатов (Щербатой) и стольник Василий Петрович Апраксин. Князя Щербатовы — ветвь князей Оболенских, являвшихся потомками уже упоминавшегося Михаила Всеволодовича Черниговского. Многие из Щербатовых своей ратной и воеводской службой были в XVI-XVII вв. связаны с Брянским краем. Тимофей Иванович Щербатов (умер в 1662 г.) являлся с 1627 г. стольником, в 1646-1647 гг. был воеводой в Мценске, с конца 1650-х гг. был вторым, а затем — первым воеводой в Пскове, удостоился в это время чина окольничего.

В.П.Апраксин, помимо воеводской службы в Севске, выполнял и другие поручения, в том числе — дипломатического характера; но ни

он, ни его сын Матвей Васильевич не поднялись выше звания стольника. А вот дети М.В.Апраксина получили большую известность. Дочь Мария Матвеевна была женой царя Федора Алексеевича; ее братья Петр, Федор и Андрей при Петре I получили графские титулы. Петр Матвеевич был боярином, воеводой в Новгороде, губернатором в Астрахани и Казани, президентом Юстиц-коллегии; Федор Матвеевич был одним из создателей и руководителей российского военноморского флота, командовал флотом в знаменитом Гангутском сражении, являлся президентом Адмиралтейств-коллегии. Что же касается Апраксиных, бывших с середины XVIII в. до 1880-х гг. крупнейшими землевладельцами Севского уезда, то они относились к другой, нетитулованной ветви этой старинной дворянской фамилии.

Если список воевод Севска периода 1620-х – начала 1650-х гг. можно восстановить достаточно полно (опираясь, в первую очередь, на опубликованные разрядные книги и на изданную в 1902 г. работу А.Барсукова «Списки городских воевод и других лиц воеводского правления Московского государства XVII столетия»), то по более позднему времени в перечисленных материалах встречаются и пропуски, и отдельные неточности. Частично заполнить допущенные лакуны и уточнить хронологию в определенной степени помогают актовые материалы, но отдельные моменты остаются не вполне ясными. Обстоятельством, затрудняющим эту работу, является сама военнополитическая обстановка того времени, поскольку в Севск, наряду с городовыми воеводами, не раз назначались полковые воеводы, руководившие войсками во время войн с Речью Посполитой, Крымским ханством и Османской империей; а четкое разделение полномочий между полковыми и городовыми воеводами не всегда достигалось (порой эти функции совмещались).

С конца 1652 и до весны 1654 г. воеводой в Севке был стольник (позже – окольничий) Андрей Васильевич Бутурлин, ранее занимавшийся строительством Белгородской засечной черты. Именно во время его воеводства севские служилые люди и комарицкие драгуны начали широко привлекаться к участию в боевых действиях на территории Украины. Когда после Переяславской Рады население Украины присягнуло московскому царю Алексею Михайловичу, новая война с Речью Посполитой оказалась неизбежной. В апреле 1654 г. боярину Василию Борисовичу Шереметеву и окольничему Федору Васильевичу Бутурлину (старшему брату севского воеводы) было приказано возглавить войско для оказания помощи Богдану Хмельницкому. Местом сбора войска был назначен г.Рыльск. Сюда же получил приказ «итить со всеми ратными людьми» из Севска и А.В.Бутурлин, которому «велено быти в товарищех» с названными воеводами. Поскольку в 1654-1655 гг. Бутурлин с севскими и комарицкими ратными людьми большую часть времени находился на Украине и являлся одним из воевод действовавшего здесь русского войска, выполнять функции севского городского воеводы он уже не мог, но опубликованные раз-

рядные документы не содержат информации о его преемнике в должности севского воеводы.

В марте-апреле 1655 г. Севск стал сборным пунктом московского войска, во главе которого стояли боярин Василий Васильевич Бутурлин (совпадение отчеств боярина и бывшего севского воеводы не означало их родства — они относились к разным ветвям старинной дворянской фамилии) и стольник (позже — окольничий и боярин) князь Григорий Григорьевич Ромодановский. Занятые комплектованием войска, а затем его командованием, оба воеводы прямого отношения к севским городским делам, естественно, не имели.

В июле 1655 г. через Севск, направляясь в Москву, проезжал антиохийский патриарх Макарий, а также сопровождавшие его лица, в том числе — его сын Павел Алеппский, оставивший описание этого путешествия. Автор называет севского воеводу Константином Михайловичем (без указания фамилии), однако среди лиц, назначаемых в это время на воеводство, человека с таким именем и отчеством обнаружить не удалось. Скорее всего, П.Алеппский не совсем точно назвал отчество воеводы. Если это так, то наиболее вероятно, что севским воеводой в 1655 г. (возможно, еще с 1654 г.) был стольник князь Константин Нефедьевич Щербатов, о котором известно, в частности, что в 1670-е гг. он был воеводой в г.Сургуте...

Успехи русских войск в 1654-1655 гг., а также вступление в войну Швеции побудили правительство Речи Посполитой пойти на перемирие с Россией, которое было подписано в 1656 г. На юго-западных границах Московского государства наступило некоторое затишье. Может быть, поэтому сведения о севских воеводах до осени 1658 г. практически отсутствуют. Опубликованные актовые материалы позволяют утверждать, что в сентябре 1658 г. севским городовым воеводой был Ефим Козлов, но каких-либо данных о нем найти не удалось.

Измена гетмана И.Выговского и угроза нападений со стороны мятежных казаков и крымских татар заставили правительство уделить больше внимания Севску. Осенью 1658 г. воеводами сюда были направлены стольник князь Василий Иванович Хилков (из рода князей Стародубских-Ряполовских) и князь Федор Петрович Барятинский (по прозвищу Горбун). Отец Хилкова, стольник Иван Андреевич, в 1634-1635 гг. был городовым воеводой в Брянске. Сам князь В.И.Хилков в предыдущие годы (1652-1657) был первым воеводой в Тобольске, где оказывал покровительство ссыльным и стремился пресечь «бесчеловечную расправу» местных начальных людей над «иногородцами»; позже был боярином, умер в 1677 г. Князь Барятинский (Горбун), из дальних потомков уже упоминавшегося Михаила Всеволодовича Черниговского, был в 1630-1640-х гг. воеводой в разных городах, и закончил жизнь в 1667 г. на воеводстве в Суздале...

В октябре 1658 г. в Севске начало собираться военное ополчение против «изменников черкас». Его воеводой был назначен стольник князь Федор Федорович Куракин, представитель рода, происходящего

от великого литовского князя Гедимина (позже Ф.Ф.Куракин стал боярином, получил известность как «дядька»-воспитатель будущего царя Федора Алексеевича). В конце 1658 г. войска Ф.Куракина вели военные действия на севере Украины, а затем вернулись на зимние квартиры в Севск. В конце января 1659 г. сюда прибыла и главная русская армия под командованием боярина князя Алексея Никитича Трубецкого (еще одного представителя князей Гедиминовичей), который в 1654-1655 гг. весьма успешно руководил войсками в ходе кампании на территории Белоруссии и Литвы. Князь Ф.Ф.Куракин был назначен одним из «товарищей» главного воеводы. Во второй половине февраля полки князя А.Н.Трубецкого перешли из Севска в Путивль, а затем двинулись на Украину и осадили г.Конотоп. Мятужному гетману И.Выговскому удалось летом 1659 г. собрать большое казачье войско, привлечь на свою сторону крупные силы крымских татар и разгромить руководимый князем С.Р.Пожарским конный авангард армии А.Н.Трубецкого, вынужденного отойти к Путивлю. К Трубецкому 10 августа была послана царская грамота, что «велено ныне идти из Севска к вам в полки в Путивль и быть с тобою окольному нашему и воеводе князю Петру Алексеевичу Долгорукову с товарищи со всеми нашими ратными... людьми». Однако помощь не потребовалась.

Явно пропольская ориентация И.Выговского, его союз с крымским ханом, чьи войска разоряли не только русские, но и украинские территории, а также жестокие репрессии против своих противников вызвали широкое недовольство народных масс и части казацкой старшины; и в том же 1659 г. Выговский был вынужден отречься от гетманства, которое перешло к сыну Б.Хмельницкого Юрию (Юрасю), обещавшему сохранить верность союзу с Россией. Немалую роль в этом сыграли активные военные и дипломатические действия русских воевод, в первую очередь, А.Н.Трубецкого, В.Б.Шереметева, Ф.Ф.Куракина, Г.Г. Ромодановского, удостоенных «государева жалованья» и «милостивого слова». Главной наградой для князя А.Н.Трубецкого стала «прародительская... вотчина город Трубчевск с уездом». Умер Алексей Никитич, вероятнее всего, в 1663 г. и, как принявший монашеский постриг, был похоронен под именем инока Афанасия. Имеющиеся в литературе сведения о его смерти в 1680 г. ошибочны, как и утверждение, что он был крестным отцом царевича Петра Алексеевича (будущего Петра I). Скончавшийся в 1679 г. его внучатый племянник боярин Юрий Петрович Трубецкой был единственным из этого княжеского рода, кто имел наследников по мужской линии. В начале 1670-х гг. ему также доводилось быть в Севске полковым воеводой, которому подчинялись «карачевские, орловские и кромские дети боярские и всяких чинов люди Севского полка»...

Вернемся, однако, к севским городовым воеводам конца 1650-х гг. Князья В.И.Хилков и Ф.П.Барятинский управляли Севским уездом, по крайней мере, до апреля 1659 г. Затем в городе появились новые вое-

воды: Михаил Михайлович Дмитриев и Михаил Федорович Скрыбин. Они не относились к особо родовитым фамилиям, не имели придворных званий, что свидетельствовало об уменьшении в глазах московского правительства оборонной роли Севска. Но вскоре ситуация вновь осложнилась. Осенью 1660 г. крупным силам польских и крымских войск удалось окружить и принудить к капитуляции войско боярина В.Б.Шереметева, а гетман Ю.Хмельницкий изменил России и признал власть Речи Посполитой. Пограничным русским городам нужны были и новые войска, и опытные в военном деле воеводы.

Первым воеводой в Севск был назначен окольный Михаил Семенович Волынский. Этот потомок известного героя Куликовской битвы — князя Дмитрия Михайловича Боброка-Волынского — успел отличиться в 1658 г. при разгроме войск литовского гетмана В.Гонсевского. Прежние воеводы были оставлены в Севске, но их роли изменились. М.М.Дмитриев стал вторым воеводой, а М.Ф.Скрыбин — особо выделенным осадным воеводой. Дмитриев, недавно ставший стольником, счел себя обиженным. Обстоятельства возникшего в 1661 г. местнического спора довольно любопытны. Осадный воевода М.Ф.Скрыбин сообщил в Москву, что «стольник де и воевода Михайла Дмитриев в Приказную Избу не ездит и... дел... никаких не делает, а говорит, что ему за окольным и воеводою за Михаилом Семеновичем Волынским в Севску быть не мочно». Рассмотрение извета приняло необычный оборот: самому жалобщику было объявлено, что «писал он о том... не делом», поскольку местнические споры его не касаются. За это Скрыбин был посажен в севскую тюрьму, а по окончании недельного срока его обязали по-прежнему служить вместе с М.М.Дмитриевым.

Но держать рядом поссорившихся воевод было не резонно, тем более что в конце 1661 г. войска гетмана Ю.Хмельницкого перешли на левобережье Днепра, а действовавшие вместе с ним крымские татары стали нападать на земли Стародубья и приграничных русских уездов. К Севску было направлено войско боярина князя Григория Семеновича Куракина, который с декабря 1661 г. стал главным воеводой и для приведенных им полков, и для служилых людей Севска и уезда. Русские войска подоспели своевременно. В январе 1662 г. крупные силы крымских татар вторглись в Путивльский и Севский уезды. Затем часть крымцев двинулась восточнее, а «в Севские и Карачевские места» устремился князь (мурза) Ширинский «со многими крымскими людьми и уезды повоевал и полон многой русской поимал». Но уже 19 января князь Куракин сообщил в Москву, что посланные им из Севска ратные люди во главе со вторым воеводой стольником Григорием Федоровичем Бутурлиным разбили отряд Ширинского, пленив самого мурзу, и освободили весь русский полон — около 20 тыс. человек.

Успешно справившиеся с нападением крымских татар войска и их воеводы Куракин и Бутурлин были вскоре отозваны в Москву. В

том же 1662 г. в Севск прибыл еще один знатный воевода – боярин Петр Шереметев, личность которого нуждается в уточнении. Дело в том, что среди бояр этого времени было два Петра Шереметевых: Петр Борисович – сын умершего в 1650 г. боярина Бориса Петровича, бывавшего на воеводстве в Свияжске и Архангельске; и Петр Васильевич – сын уже упоминавшегося боярина Василия Борисовича, известного своим участием в военных действиях на Украине, плененного крымскими татарами в 1660 г. и более 20 лет, почти до своей смерти, находившегося в плену. Позже звание боярина получил еще один Петр Васильевич Шереметев (тезок различали по добавочным прозвищам – Большой и Меньшой). В книге А.Барсукова о городских воеводах указано, что с июля 1662 г. до января 1663 г. первым городовым воеводой в Севске был боярин Петр Васильевич (Большой) Шереметев. Однако этим сведениям противоречит один из опубликованных актов от ноября 1662 г., где сообщается о посылке боярином Петром Борисовичем Шереметевым из Севска в Карачев Григория Камынина для проверки жалобы на тамошнего воеводу С.Пальчикова.

Возникает, по меньшей мере, два вопроса. Могли ли в Севске сразу оказаться на воеводстве два боярина? Почему севский воевода мог вмешиваться в дела воеводы другого города – Карачева? На первый вопрос можно с большой уверенностью ответить отрицательно. Примеров, когда в один город, даже самый значительный, были бы направлены в качестве воевод два боярина, не известно. Даже временное пребывание в Севске двух высокопоставленных воевод (полкового и городского) также не подтверждается, поскольку период второй пол. 1662 г. – первой пол. 1663 г. не был временем особого военно-политического обострения, и дополнительных войск сюда не посылали. Таким образом, либо действительно летом – в начале осени 1662 г. главным воеводой в Севске был боярин П.В.Шереметев-Большой, а ближе к концу 1662 г. его сменил боярин П.Б.Шереметев, либо сведения о пребывании П.В.Шереметева в Севске в 1662 г. неточны.

Ответ на второй вопрос связан со все возрастающим военно-административным значением Севска. Если в первой пол. XVII в. основными опорными пунктами России на юго-западных рубежах были Брянск и Путивль, то с середины века эта роль стала переходить к Севску. Окончательно такое положение оформилось в 1665 г., когда был создан Севский разряд – военно-административный округ, в состав которого вошли Белёв, Болхов, Брянск, Карачев, Кромы, Орёл, Путивль, Рыльск, Севск, Трубчевск и их уезды, а также далеко выдвинутые к югу от Путивля укрепленные городки Недригайлов и Каменный (некоторое время в состав Севского разряда входил также г.Лихвин с уездом).

Создание Севского разряда, вероятнее всего, лишь юридически оформило уже существовавшее положение, при котором воеводы таких ближних к Севску городов, как Карачев, Кромы, Рыльск, Трубчевск, а затем и других, в определенной степени зависели от главных

севских воевод. Став центром разряда, Севск одновременно оказался и местом комплектования Севского разрядного полка – крупного формирования, создаваемого в случае возникновения серьезной военной угрозы из служилых людей приписанных к разряду городов, и возглавляемого, как правило, боярами или окольнымиими.

С января 1663 г., с отъездом из Севска боярина П.Шереметева, первым городовым воеводой стал стольник Иван Андреевич Полев, бывший ранее вторым воеводой; а на его место был назначен уже упоминавшийся ранее в аналогичной должности Михаил Федорович Скрыбин.

Конец 1663 г. – начало 1664 г. были для Севска и окрестных селений очень трудным временем. В ноябре 1663 г. король Речи Посполитой Ян Казимир возглавил крупномасштабный поход против России. К участию в нем были привлечены польские конные полки, наемные иноземцы, казаки с Правобережной Украины, а также многочисленные отряды крымских татар. Все это воинство, переправившись через Днепр южнее Киева, далее двигалось разными маршрутами по направлению Глухов – Севск. Сюда же подходили с северо-запада литовские части гетмана М.Паца (через Рославльский и Брянский уезды) и генерального писаря М.Полубинского (через северо-восток Стародубского полка и Трубчевский уезд). В случае успеха военных действий далее предполагалось движение к Москве.

Ян Казимир, убедившись, что Севск хорошо укреплен, не стал штурмовать или осаждать город, разбил свою ставку в соседнем с.Юшино, ожидая подхода войск М.Паца и М.Полубинского, и направил часть конницы и крымских татар ближе к Карачеву. В этих условиях севские воеводы, естественно, не имели возможности вести какие-либо активные действия, а должны были лишь обеспечивать оборону города.

Для отражения вражеского нашествия были мобилизованы основные воинские силы Русского государства. Из Москвы через Калугу и Болхов двигалась главная армия под командованием боярина князя Якова Куденековича Черкасского. В конце января 1664 г. ее передовые части вступили в Карачев и Брянск. Из Белгорода части собранного здесь Белгородского разрядного полка под командованием окольного Г.Г.Ромодановского перешли в г.Сумы, а затем в Батулин, где соединились с казаками гетмана Левобережной Украины И.Брюховецкого. Угрожая тылам Яна Казимира, объединенные русско-украинские части двинулись к местечку Воронеж. В этом же направлении начали продвигаться и находившиеся в Путивле войска боярина П.В.Шереметева (Большого).

На состоявшемся в с.Юшино 8 февраля 1664 г. военном совете польско-литовские руководители, опасаясь полного окружения с севера и юга, решили начать отход к Новгород-Северскому. Далее путь войска Я.Казимира шел через территорию Стародубья в Белоруссию и сопровождался большими трудностями: ранней весенней распутицей,

враждебным отношением местного населения, бескормицей и голодом. Будь в это время более активными действия русских воевод, поход Я.Казимира мог бы окончиться не просто серьезной неудачей, а полной катастрофой.

Война вступила в завершающую стадию, когда основную роль начала играть дипломатия, а боевые действия, носившие эпизодический характер, уже не угрожали юго-западным границам России. Прежний первый севский воевода стольник И.А.Полев был в 1664 г. переведен на ту же должность в Брянск, а первым воеводой в Севск был послан князь Константин Осипович Щербатов. Став стольником еще в 1649 г., он позже не раз выполнял ответственные административные и военные поручения. Вот лишь некоторые из них: в 1668 г. — воевода в Брянске, вместо умершего князя А.М.Волконского; в 1670–1671 гг. — один из руководителей царского войска при подавлении восстания С.Т.Разина, в 1678 г. — один из главных воевод в войне против турок и крымских татар, в 1687 г. — помощник князя В.В.Голицына в первом Крымском походе, в 1693 г. сопровождал царя Петра I в Архангельск. В 1670 г. стал окольничим, в 1682 г. — боярином; умер в 1697 году.

В 1666 г. в Севск были направлены новые городовые воеводы: окольничий князь Никита Яковлевич Львов и стольник князь Иван Иванович Львов. Воеводы были однофамильцами, но происходили из разных ветвей княжеского рода Львовых, являвшихся отраслью ярославских князей. В биографии первого из них есть несколько интересных эпизодов. После участия в 1654 г. в Польском походе Н.Я.Львов был назначен и во второй аналогичный поход (1655 г.) в качестве помощника князя А.И.Лобанова-Ростовского, но бил челом царю Алексею Михайловичу, что «ему с князем Лобановым невместно». Царь ответил, что «служба сказана без места», но князь вторично «бил челом». Строптивого князя — по царскому приказу — наказали кнутом и все равно послали в поход. Позже Н.Я.Львов не только был прощен, но и пожалован в 1658 г. из стольников в окольничие. Затем князь был воеводой в Калуге, управлял Ямским приказом, в 1665 г. был направлен воеводой в Киев, откуда и переведен в Севск. Должность севского воеводы стала для него последней. Оставив в 1668 г. воеводство, Н.Я.Львов принял монашеский постриг, и после кончины в 1684 г. был похоронен как инок Ника.

Подписание в 1667 г. Андрусовского перемирия с Речью Посполитой, по которому к России отходили Смоленская и Северская земли, а также Левобережная Украина, должно было снять с населения Севска и его уезда, особенно с комарицких драгун, состояние военной напряженности предшествующих десятилетий. Но этого не случилось. В январе 1668 г. на Украине вспыхнул мятеж гетмана И.Брюховецкого, сопровождавшийся нападениями казаков на русские гарнизоны в отдельных городах. Так, в Стародубе было убито 250 русских служилых людей во главе с воеводой князем И.Г.Волконским.

Мятежные казаки совершали нападения и на приграничные земли Севского уезда, но особую опасность представляли возобновившиеся набеги союзных Брюховецкому крымских татар.

Воеводы Севского разрядного полка успели должным образом подготовиться и дали крымцам достойный отпор. Сначала боярин князь Г.С.Куракин 5 июля 1668 г., выступив из Севска, разбил крымские войска и захватил пленных. Татары, преследуемые вторым воеводой разрядного полка стольником М.М.Дмитриевым (о нем шла речь ранее), бежали от Севска к Глухову. Настигнув их примерно в 70 верстах от Севска, русские войска еще раз разбили крымцев, освободили захваченных русских пленников и сами взяли в плен более 80 человек, в том числе — двух мурз. После этих событий Севск и его округа набегам крымских татар больше не подвергались.

Летом 1668 г. севскими городовыми воеводами после князей Львовых стали два князя Волконских: стольник Яков Петрович и его сын Григорий Яковлевич. Князь Я.П.Волконский, несмотря на многочисленные службы воеводой в разных городах и походах, выше чина стольника, полученного еще в 1632 г., так и не поднялся, причем направление на последнее воеводство (в 1670 г. в Якутск) было для пожилого стольника больше похоже на опалу. Что касается его сына, князя Г.Я.Волконского, то ни он, ни его потомки заметного положения не занимали.

В связи с тем, что летом 1668 г. на Украине продолжалась смута, в Севск были направлены новые отряды ратных людей во главе с братьями князьями Данилой и Алексеем Афанасьевичами Барятинскими. Стольник князь Д.А.Барятинский был назначен первым севским воеводой, а князю А.А.Барятинскому было предписано с отрядом ратных людей находиться в Крупецком остроге «для оберегания» рубежей Рылеского и Путивльского уездов от татар и мятежных «черкасов» (Крупецкая волость находилась близ Рыльска, но относилась к Севскому уезду).

Князья Волконские, отец и сын, сочли, что под началом князя Д.А.Барятинского им служить «немочно», о чем и били челом царю Алексею Михайловичу. Разбавившая эту жалобу Боярская Дума нашла прошение Волконских необоснованным и приговорила князя Якова посадить на время в тюрьму, а князя Григория — наказать батогами, что и было исполнено в сентябре 1668 г. Затем наказанным было предписано вместе с князем Данилою Барятинским «изменных черкас промыслять сопча, за одно, а меж себя в том мест не вчинять». Но к концу 1668 г. ситуация на Украине более или менее успокоилась, и держать в Севске нескольких воевод, находившихся к тому же в неприязненных отношениях, не было необходимости. В 1670-1671 гг. братья Д. и А.Барятинские участвовали в подавлении восстания Степана Разина. В последующих службах Данила Афанасьевич заметно опередил своего брата, став в 1678 г. окольничим, а в 1688 г. — боярином. Последним общим делом братьев оказалось строительство ка-

менного храма Рождества Богородицы в Брянском Спасо-Поликарповом монастыре...

В литературе есть сведения, что в 1668-1669 гг. севским воеводой был князь Роман Никитич Барятинский, но документальных подтверждений этому обнаружить не удалось. Весной 1669 г. здесь был другой городской воевода – стольник князь Семен Андреевич Хованский, родной брат одного из самых известных деятелей начала 1680-х гг. – боярина князя Ивана Андреевича Хованского (по прозвищу Тараруй), который, став начальником московских стрельцов, оказался опасным для правительства царевны Софьи Алексеевны, и в сентябре 1682 г. был казнен вместе с сыном Андреем Ивановичем. Князь С.А.Хованский, также ставший боярином, избежал подобной участи и умер естественной смертью в 1695 году.

Воеводой Севского разрядного полка был в это время боярин П.В.Шереметев-Большой, находившийся в 1668 г. с севскими ратными людьми на Украине. Весной 1669 г., когда обстановка после мятежа И.Брюховецкого почти успокоилась, Шереметев вместе с войском, основную часть которого составляли комарицкие драгуны, вернулся в Севск. Комаричане, понесшие большие потери во время военных столкновений и осадных сидений, страдавшие от голода, болезней и прочих тягот, были в настолько тяжелом положении, что оставить их без помощи на территории разоренной предшествующими военными событиями Комарицкой волости было нельзя. И здесь нужно добрым словом вспомнить их воеводу. Боярин П.В.Шереметев, «видя конечный голод» ратных людей и согласовав свое решение с севским городовым воеводой князем С.А.Хованским, дал комарицким драгунам, вернувшимся со службы, «по четверику сухарей, по полу четверика толокна человеку», т.е. по 12 кг сухарей и 6 кг толокна. Царский указ, позволявший воеводам дать «хлебное жалованье... ратным пехотным людям,... осадным сидельцам», поступил в Севск уже после оказания такой помощи.

Более того, П.В.Шереметев, «видя конечную нужу пехотных людей, что идут боси и от того многие безножеют, не хотя людей разметать, заняв в Севску, дав на себя кабалы, дал по гривне человеку», иначе «многие бы от нужи разпропали и померли». Воевода, который под кабальные записи берет деньги взаймы, а затем безвозмездно раздает их своим ратным людям – явление для России крайне редкое, если не уникальное. С учетом того, что в 1668 г. было мобилизовано более 4500 комарицких драгун, а каждый из вернувшихся получил от воеводы «по гривне» (т.е. по 10 копеек), получается, что боярину Шереметеву пришлось занять свыше 400 рублей – большую по тому времени сумму. Ведь тогда даже полкопейки (полушка) имели определенную покупательную способность (вспомним поговорку – «За морем телушка – полушка, да рубль перевоз»).

В целом же 1669 г. оказался для жителей Севска и окрестных селений одним из спокойных. Следующий год также начинался без осложнений, но вспыхнувшее на Дону и перебросившееся затем на

другие районы восстание Степана Разина вновь потребовало мобилизации комарицких драгун и севских служилых людей. Командовал ими уже упоминавшийся князь Григорий Григорьевич Ромодановский, ставший к тому времени боярином и руководивший в 1660-е гг. Белгородским разрядом, а в 1670-е гг. фактически возглавлявший два южных разрядных полка – Севский и Белгородский. Его местопребыванием стал в это время Курск, занимавший промежуточное положение между Севском и Белгородом, но в реальности князю Ромодановскому и его ратным людям пришлось, кроме не очень долгого пребывания на Среднем Дону в 1670-1671 гг., основное время находиться на Украине, участвуя там в отстранении обвиненного в измене гетмана Демьяна Многогрешного в 1672 г. (бывший гетман по дороге в Москву 17-19 марта находился в Севске), в военных действиях против присягнувшего Турции гетмана Правобережной Украины Петра Дорошенко и крымских татар, в знаменитых Чигиринских походах 1677-1678 гг., после которых Османская империя согласилась пойти на подписание мира.

В 1678 г. уже пожилой князь Ромодановский запросил отпустить его «ис Курска к Москве», что и было удовлетворено. Смерть одного из самых крупных русских военачальников XVII в. оказалась трагической – в 1682 г. он был убит восставшими стрельцами, некоторые из которых на себе испытали жесткий характер воеводы...

Поскольку Севск в 1670-е гг. оказался удаленным от русских границ и не был местом сбора значительных ратных сил, сюда стали назначать только по одному городовому воеводе. В 1670-1672 гг. воеводой в Севске был дворянин Иван Иванович Вердеревский, затем его сменил, по-видимому, князь Иван Дмитриевич Барятинский, а того – в 1673 г. – думный дворянин Василий Никитич Панин, бывший севским воеводой до осени 1674 г. Его сын, генерал-поручик Иван Васильевич Панин (1673-1736), участвовал в Северной войне, в конце жизни был сенатором. Но особую известность получили внуки В.Н.Панина: ведущий русский дипломат второй пол. XVIII в., воспитатель наследника престола Павла Петровича (будущего императора Павла I) Никита Иванович Панин (1718-1783) и видный военный деятель, генерал-аншеф Петр Иванович Панин (1721-1789). Впрочем, находившийся на севском воеводстве В.Н.Панин, по мнению московских властей, недостаточно успешно справлялся со своими обязанностями, и в августе 1674 г. ему и дьяку Ивану Олухову был сделан выговор за недопоставку хлебных запасов находившимся на Украине стрелецким полкам.

С осени 1674 г. севским городовым воеводой был стольник Иван Петрович Лихарев, переведенный в 1676 г. воеводой в Белгород. Дьяком при нем был Борис Остолопов.

В последней четверти XVII в., когда границы Российского государства отступили далеко от Севска, а крымские татары не осмеливались больше совершать сюда свои набеги, можно было ожидать об-

легчения положения жителей Севска и Комарицкой волости. Однако этого не случилось. Такие военные события, как уже упоминавшиеся Чигиринские, Крымские 1687 и 1689 гг. и Азовские походы 1695-1696 гг., а также стрелецкое восстание 1682 г. (так называемая «Хованщина»), заговор Ф.Шакловитого в 1689 г. и последовавшее затем отстранение от власти царевны Софьи – все это происходило далеко от Севска, но оказывало непосредственное влияние и на судьбы многих севчан, и на деятельность назначавшихся сюда воевод, среди которых было немало примечательных лиц.

Один из них – Леонтий Романович Неплюев. В 1677-1678 гг. он в чине стольника служил севским городовым воеводой. Позже был думным дворянином, окольным и даже недолгое время боярином, но окончил жизнь в ссылке. Первое проявление недоверия Неплюеву относилось к сентябрю 1682 г., ко времени казни уже упоминавшихся боярина князя И.А.Хованского и его сына. Другой сын казненного князя Ивана, боярин Петр Иванович Хованский, был в это время в Курске, являясь первым воеводой Севского и Белгородского разрядных полков. Его ближайшим «товарищем» (т.е. вторым воеводой) был Л.Р.Неплюев, местопребыванием которого являлся Севск. Сюда и была направлена 17 сентября 1682 г. грамота из Москвы «к думному дворянину и воеводе к Леонтию Романовичю Неплюеву, велено ему ис Севска ехать в Курьск наскоро с великим поспешением, а город и дела всякие приказать дьяку Федору Ефимьеву; а, приехав в Курьск, у боярина и воеводы у князя Петра Хованского город и городовые ключи, и полковой наряд, и... ратных и всяких служилых и жилецких людей, и списки им, и всякую... казну, и дела принять... тотчас».

Князь П.И.Хованский, отправленный в Москву под караулом, был затем сослан в Мезень, а в конце сентября 1682 г. Неплюев также сдал свои дела прибывшему в Курск окольному князю Федору Ивановичу Шаховскому. Последний возглавлял Севский и Белгородский полки лишь временно, до прибытия сюда боярина Петра Васильевича Шереметева, который был назначен главным воеводой, и его сына стольника Федора Петровича Шереметева, которому поручалось вести Севский полк. Однако и Шереметевы воеводствовали здесь недолго: уже летом 1683 г. главным воеводой Севского и Белгородского полков значился боярин Алексей Семенович Шеин, находившийся в Курске (в 1696 г. он в звании генералиссимуса был главнокомандующим русскими войсками во втором Азовском походе), а его «товарищем» – Л.Р.Неплюев (уже в чине окольного), живший в Севске.

Вероятнее всего, возвышение Л.Р.Неплюева не обошлось без содействия фаворита царевны Софьи, боярина князя Василия Васильевича Голицына. В 1676-1677, а затем в 1680-1681 гг. князь Голицын, уже успевший проявить свои незаурядные дипломатические способности, сначала находился на Украине (не раз бывал и в Севске), где сумел разобраться в сложном переплетении внутренних и внешнеполитических противоречий и в значительной степени их сгладить, а

затем, возглавляя Севский разряд, активно занимался укреплением южных русских рубежей. Именно в это время он мог оценить административные и военные качества Неплюева, а позже поддержал его в период кратковременной опалы.

Когда в 1686-1689 гг. князь В.В.Голицын, назначенный главнокомандующим русскими войсками на юге страны, подготавливал и возглавлял Крымские походы, Л.Р.Неплюев был одним из его ближайших помощников. Обычно данные походы, особенно первый из них, оцениваются в исторической литературе как неудачные. Но это не совсем справедливо. Хотя в 1687 г. главные силы армии Голицына не дошли до Крыма из-за степного пожара и бескормицы, в это же время другие русские войска во главе с окольным Неплюевым и генералом Григорием Ивановичем Косаговым (уроженцем Карачевского уезда), двигаясь вдоль Днепра, разорили находившиеся там крымские городки-крепости, а затем взяли «на саблю» город Очаков на берегу Черного моря, что вызвало панику в Османской империи и значительно повысило авторитет России у ее союзников. Во втором Крымском походе 1689 г. (в нем также участвовал Л.Р.Неплюев во главе ратных людей Севского разрядного полка) русские войска дошли до Перекопа, и крымский хан сам запросил мира. Получив его, он уже не осмеливался нападать на русские земли, тем более что передовые русские укрепленные городки продвинулись в Диком Поле далеко на юг.

Когда в сентябре 1689 г. была отстранена от власти царевна Софья и казнен ее фаворит Ф.Шакловитый, пытавшийся поднять стрельцов в ее поддержку, это стало крутым поворотом в судьбах князя Голицына и Неплюева. Их лишили боярства, чинов, имений и сослали. В ссылке они оставались до конца своих дней. Если князю В.В.Голицыну (лицу наиболее близкому к царевне Софье) официальной виной были объявлены неудачные Крымские походы, то реальная вина Л.Р.Неплюева (формально его обвинили в притеснении «комарицких солдат») была непонятна даже для членов Боярской Думы. Отвечая на их вопрос, боярин Федор Авраамович Лопухин, тесть царя Петра I, высказался так: «Явной его, Леонтия, вины вы не ведаете, а тайной вины и мы не ведаем».

Сам Ф.А.Лопухин также имел отношение к Севску, т.к. в 1679 г. являлся севским городовым воеводой, будучи в это время в чине стольника. Его, вероятно, сменил стольник князь Осип Федорович Барятинский, бывший севским городовым воеводой в 1680 г. Сколько времени продолжалось его севское воеводство — неясно, поскольку сведения о городовых воеводах этих лет полнотой не отличаются. Не исключено, что их обязанности совмещали некоторые из воевод Севского разряда (в частности, тот же Л.Р.Неплюев).

Сентябрьские события 1689 г. не только прервали служебную деятельность Л.Р.Неплюева, но и вызвали осложнения в положении его родственника — думного дворянина Семена Протасьевича Неплюева, бывшего в это время севским городовым воеводой (с какого

времени он им стал и кого сменил в этой должности — установить пока не удалось). Проведенное в начале 1690 г. расследование деятельности севских воевод Л.Р. и С.П.Неплюевых, а также служивших вместе с ними дьяков — Климас Судейкина, Михаила Васильева и Василия Жаденова, вскрыло систематически допускавшиеся ими злоупотребления, особенно по отношению к жителям Комарицкой волости, которые с 1679 г. были переведены из драгун в солдаты. Вместо прежней «киевской и иных малороссийских городов годовой службы» им было указано поставлять «на корм ратным людям» по 10 тыс. четвертей ржи ежегодно и доставлять ее на своих подводах в Севск и Брянск. Севские воеводы и дьяки постоянно заставляли комаричан работать в собственных имениях в соседних Кромском и Рыльском уездах, а некоторых «пахотных солдат» и вовсе превращали в своих крепостных.

Осенью 1689 г. вместо С.П.Неплюева, переведенного в Чернигов, севскими городскими воеводами были назначены окольный Иван Юрьевич Леонтьев и стольник Григорий Михайлович Петрово-Соловово. Возвышение Леонтьевых в конце XVII в. связано с тем, что они были в близком родстве с Нарышкиными, из числа которых Наталья Кирилловна была матерью царя Петра I. Дворянский род Петрово-Соловово получил определенную известность в XVI в. (из него происходила, в частности, жена царевича Ивана Ивановича, смертельно раненого отцом, Иваном IV Грозным), но с XVII в. выше звания стольника выходцы из него уже не поднимались. Дьяками при И.Ю.Леонтьеве и Г.М.Петрово-Соловово были Артемий Волков (вскоре замененный Гаврилой Алексеевым) и Петр Тютчев (возможно, Петр Перфильевич, с 1692 г. причисленный к московским дворянам).

В 1692-1693 гг. севским городским воеводой был окольный князь Федор Юрьевич Барятинский, сын известного военачальника, боярина князя Юрия Никитича Барятинского. Сам Ф.Ю.Барятинский не раз участвовал в боевых действиях на территории Украины, в 1696 г. был воеводой в Киеве, где и умер.

В июле 1693 г. в Севск были присланы воевода окольный князь Петр Лукич Львов (ранее участвовал в первом Крымском походе, был воеводой в Курске) и дьяк Федор Замятнин. Вскоре вместо последнего из Москвы прислали другого дьяка — Алексея Юдина, а в помощь князю П.Л.Львову на должность второго севского воеводы был назначен его племянник — князь Иван Борисович Львов.

Последними севскими городскими воеводами в XVII в. были стольник князь Лука Федорович Долгоруков (с января 1697 г. до осени 1699 г.), бывший ранее воеводой в Великих Луках, и сменивший его стольник Степан Петрович Нелединский-Мелецкий. Оба оставили о себе совсем не добрую память. Долгоруков превратил практиковавшиеся и ранее натуральные сборы в пользу воевод и дьяков в форменный грабеж населения, а против отказывавшихся от непомерных платежей жителей применял любые меры, вплоть до посылки стрель-

цов, насильственного захвата пожитков и разорения крестьянских хозяйств. Так, в частности, по приказанию воеводы в 1699 г. было разорено и сожжено с.Брасово. Далеко не праведная жизнь князя Долгорукова и оборвалась в 1710 г. достаточно нелепо – он умер, выпив по приказу царя Петра 1/2 литра водки.

Значительно большую роль в отечественной истории сыграли братья князя Луки, Яков Федорович и Григорий Федорович, а также его сын – Василий Лукич. Князь Я.Ф.Долгоруков отличился во время Азовских походов и был возведен Петром I в звание ближнего боярина. Пользовался значительной популярностью за свою неподкупность и прямоту, не раз противоречил царю. Тем не менее, Петр I уважал своего верного, хотя и строптивого соратника, о чем свидетельствовало назначение его сенатором, а затем – президентом Ревизион-коллегии. Князь Г.Ф.Долгоруков участвовал в Азовских походах, отличился в Полтавской битве, но более известен как опытный дипломат. Имел один из высших гражданских чинов – действительного тайного советника.

Князь В.Л.Долгоруков получил хорошее европейское образование, выполнял ответственные дипломатические поручения, имел чин действительного тайного советника. Будучи членом Верховного тайного совета, являлся инициатором составления подложного духовного завещания Петра II, а затем – ограничения власти императрицы Анны Иоанновны. В 1730 г. был заточен в Соловецкий монастырь, а в 1739 г. – казнен. По словам современников, он очень хорошо говорил на многих языках и мог быть приятным собеседником, но «вместо с сим... не имел ни чести, ни совести и способен был на все по корыстолюбию».

Что касается С.П.Нелединского-Мелецкого, то он особенно «отличился» в 1700 г., когда путем жестоких репрессий заставил жителей Комарицкой волости выбрать в качестве бурмистров не уважаемых лиц, а «ведомых прежних плутов и Комарицкие волости разорителей». Определенную известность он получил тем, что оказался последним, по времени пожалования (в сентябре 1725 г.), русским боярином. Из его потомков наиболее примечателен правнук, Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий, – не столько как крупный чиновник конца XVIII – начала XIX вв., а как автор некоторых стихотворений, ставших популярными песнями (особенно – «Выйду я на реченьку...»).

В ходе многочисленных реформ местного управления, проводимых в XVIII в., воеводская система то упразднялась, то восстанавливалась, хотя и со значительно урезанными властными полномочиями, пока не была окончательно ликвидирована в 1770-е гг. Но даже когда она функционировала, положение воевод было далеко не тем, что раньше. Если в XVII в. воеводы напрямую подчинялись центральной власти, то в середине XVIII в. уездный воевода подчинялся провинциальному, тот, в свою очередь, – губернатору, и лишь губернатор имел прямую связь с центральными органами власти. Севск в это время

был центром провинции, но в условиях значительного увеличения чиновничье-бюрократического аппарата даже севские провинциальные воеводы были менее заметными и самостоятельными в своих действиях, чем севские городовые воеводы XVII века.

Источники и литература

1. Акты Московского государства. Т. I-III. СПб., 1890-1901.
2. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. III-XIII. СПб., 1861-1885.
3. Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время (7113-7121 гг.). М., 1907.
4. Бельский летописец. // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.
5. Воссоединение Украины с Россией. Сборник документов. Т. I-III., 1953.
6. Дворцовые разряды. Т. 1-4. СПб., 1850-1855.
7. Дополнения к актам историческим. Т. VIII-X. СПб., 1862-1875.
8. Книги разрядные, по официальным оных спискам. Т. 1-2. СПб., 1853.
9. Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869.
10. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 2005.
11. Разрядная книга 1550-1636 гг. Т. II. Вып. 2. М., 1976.
12. Разрядная книга 1637-1638 года. М., 1983.
13. Алексеев В.П. Брянские люди XVII века. Брянск, 2001.
14. Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства. СПб., 1902.
15. Бычкова М.Е. Родословные книги XVI-XVII вв. как исторический источник. М., 1975.
16. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
17. Дворянская семья: Из истории дворянских фамилий России. СПб., 2000.
18. Дворянские роды Российской империи. Т. I-II. СПб., 1993-1995.
19. Долгоруков П.В. Российская родословная книга. Ч. 1-4. СПб., 1854-1857.
20. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 1-2. СПб., 1895.
21. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948.
22. Новосельский А.А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961.
23. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 1-3. М., 1994-2000.
24. Пясецкий Г.М. Исторические очерки города Севска и его уезда. // Сборник Орловского Церковного Историко-Археологического Общества. Т. II. Орел, 1909.
25. Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. I-II. СПб., 1886-1887.

26. Русский биографический словарь. Т. 1-25. СПб., 1896-1918.
27. Сурмина И.О., Усова Ю.В. Самые знаменитые династии России. М., 2002.
28. Федорченко В.И. Дворянские роды, прославившие Отечество. М., 2003.
29. Шокаров С.Ю. Знаменитые русские фамилии. М., 2004.

А.И.Поддубный (Злынка)

О топонимах Бежичи и Бежица.

Одни считают, что Бежица (ныне – район Брянска) названа так по соседнему селу Бежичи, но при этом не поясняют, что означает это имя. Другие полагают, что название Бежица – производное от слова «прибежище»: дескать, бежали на новое поселение безземельные люди из соседних мест. [Кизимова, 1996, с. 20]

Брянские названия почти полностью повторились в Тверской области. Там на берегу реки Молога стоит г.Бежецк, а неподалёку от него – село Бежицы, оно же в древности – Бежичи. Его возникновение и название предание связывает с беженцами из Новгорода. [Брокгауз, 1894, т. 9, с. 165]

Связь названия с беженцами имеет, на первый взгляд, довольно убедительное подтверждение – было в древнерусском языке слово **бежь** в значении «беглый народ, бродяги». [Даль, 2000, т. 1, с. 367] Оно упоминается в документе 1615 года: «Прибѣжали к нимъ на Ба-лахну ярославцы торговые люди и иная бѣжь многие люди». [Сл РЯ XI-XVII, 1975, т. 1, с. 90]

Но если бы имя первоначального поселения действительно имело «беженский» смысл, то логичен был бы один из вариантов его звучания: **Бежь, Бегуны** (слово это известно в письменных памятниках с XI в.) [Даль, 2000, т. 1, с. 367], **Беглецы, Беглые, Бежники** [Даль, т. 1, с. 367] или **Бежане** (упоминается в значении «беглецы» в Новгородской летописи 1382 г.). [Срезневский, 1989, т. 1, с. 216]

И всё же в названиях Бежичи – Бежица исходное слово – **бежь** в значении «бег, движение бегью, бегом», но в др. форме – «**бежа - бежи**» – и с иным, давно забытым смыслом. Каким именно? Ответ подсказывают отличительные приметы тех мест, в названия которых присутствует основа «**бежь**».

Начнём с Бежина луга, что на крайнем юго-западе Тульской обл., о котором рассказал И.С.Тургенев в «Записках охотника». Его название местные краеведы также связывают с беженцами. Но бесспорных доказательств того, что луг или ближайшая к нему округа когда-то были пристанищем бежи – беженцев, нет. В то же время совершенно очевидно, что в названии Бежин луг суффикс **-ин** указывает на принадлежность: чей луг? – луг, относящийся к бежи, к бежам; или луг, расположенный у бежи – бежей.

У луга две приметы: с одной стороны его окаймляет р.Снежить, с другой – гряда холмов. Как видно, никакой связи названия луга с